

домъ народѣ душъ, которыя условно хотѣлось бы назвать «русскими»? И если ужъ признать силу географическихъ и бытовыхъ влияній, можно ли быть спокойными, что «никакие ботышевики въ мирѣ» не согнутъ съ русскаго обиха тѣ отблески «христіанской поэзіи», которыми всё только любовались, но которыхъ никто дѣйственно не оцѣнили, не укрѣпили, не удержали?»

Георгій Адамовичъ.

Hegel bei den Slaven im Auftrage der deutschen Gesellschaft für slavische Forschung im Prag, mit Unterstützung des Slavischen Instituts im Prag herausgegeben von D. Cyzevskij. Reichenberg. 1934. Стр 494

Что философія Гегеля имѣла свою значительную и плодотворную судьбу въ духовной культурѣ славянскихъ народовъ, было извѣстно уже давно. Но, только послѣ появленія этого, въ Прагѣ изданнаго сборника (содержащаго работы семи авторовъ о Гегелѣ въ Польшѣ въ Россіи, у Словаковъ, у Чеховъ, въ Югославіи и въ Болгаріи), можно въ полной мѣрѣ оцѣнить то, по истинѣ исключительное, громадное влияние, которое философія Гегеля имѣла въ ихъ духовномъ развитіи. Впрочемъ — за исключениемъ чеховъ, которые, какъ показываетъ авторъ соответствующей статьи (Ф. Файфръ), были въ силу национальныхъ особенностей своего мышленія совершенно невосприимчивы къ гегелевской философіи, да и вообще къ философіи нѣмецкаго идеализма. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ болѣе однако возрастало влияние гегелевской философіи у словаковъ (статья А. Пражака) оно опредѣлило характеръ ихъ національнаго возрожденія, ихъ «селаратизмъ» по отношенію къ чехамъ, до сихъ поръ еще не изжитый, у поляковъ — магистральную линію всего ихъ философскаго развитія въ XIX вѣкѣ (статья В. Кюне), характеризующую именами Трентовскаго, Тѣшковскаго, Либельта, Кремера, вышей же своей силы достигло въ Россіи, гдѣ опредѣлило собою не только развитіе философіи и мировоззрѣнія, но и гуманитарныхъ наукъ, университетской традиціи, литературы и даже литературнаго языка. Показать это составляетъ безспорную и большую заслугу Д. Чижевскаго, редакторскимъ трудамъ котораго и обязанъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ настоящий сборникъ, безъ коего въ будущемъ не сможетъ обойтись въ своей работѣ ни одинъ изслѣдователь духовной культуры славянскихъ народовъ. На статьѣ (собственно книгѣ) редактора, посвященной Гегелю въ Россіи и занимающей большую часть сборника (250 стр.), мы тольکو и остановимся здѣсь въ нашей рецензіи.

По мнѣнію Ч. это исключительное по своей силѣ влияние Гегеля на русскую мысль было подготовлено тѣмъ обстоятельствомъ, что философія Гегеля есть не столько «раціонализмъ», сколько философское и постольку «раціонатное» выраженіе духовнаго содержанія нѣмецкой мистики, которое она въ себя вобрала и которое было

усвоено также и русской мистической традицией, родственной ей уже в силу общности своего происхождения от новоплатоновского течения святоотеческой мысли. В особом изследовании о Гр Сковороде (изд Украинского Института в Варшаве, 1934) Ч подробно обосновывает этот свой интересный и оригинальный тезис, проходящий красной нитью через всю его работу о Гегель в России. Поражает в этой работѣ громадная начитанность автора, великолепное его умение выискивать забытое и неизвестное, тщательная точность в цитатах и ссылках на использованные им книги, журнальные статьи и даже рецензии. В изложении его чувствовался аромат самого источника — вот уж нельзя упрекнуть автора в томъ, что онъ беретъ свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ. В тѣх случаях, когда источникъ оказывался недосуднымъ автору, онъ самъ это педантично указываетъ. Детальность впрочемъ не заключаетъ передъ авторомъ основныхъ линий развития и не препятствуетъ ему давать яркие характеристики, какъ цѣлыхъ периодовъ, такъ и отдельныхъ мыслителей. Особенно удался автору характеристики Н В Станкевича, Мих Бакунина, В Бѣлинскаго, Т Грановскаго, Конст Аксакова и Ю Самарина, Н Страхова и Павла Бакунина, а также характеристика русскаго «Просвѣщенія» шестидесятыхъ годовъ. После прочтения книги читатель не можетъ не согласиться съ заключениемъ автора, что и вь развитии русской мысли философия Гегеля была и осталась еще и понынѣ однимъ изъ самыхъ мощныхъ факторовъ.

И все же, несмотря на всѣ свои достоинства, книга Чижевскаго вызываетъ у читателя часто сопротивление, переходящее порою вь прямое раздражение. Кому, казалось бы, и писать книги о Гегель какъ не гегельянцу? Но вь томъ то и дѣло, что, прочтя книгу, такъ и не знаешь, вь какомъ смыслѣ Ч гегельянецъ, что признаетъ онъ и что отрицаетъ вь Гегель. Повидимому, онъ вполне согласенъ съ «русскимъ» толкованиемъ Гегеля, какъ мистика и интуитивиста. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посвящаетъ цѣлый параграфъ опубликованнымъ вь «Ленинскомъ Сборникѣ» замѣткамъ Ленина на поляхъ его экземпляра сочинений Гегеля посвященнымъ исключительно диалектикѣ. Вообще любитель курьезовъ и историко-литературныхъ открытий слишкомъ часто отбѣсняетъ вь изложении Ч на задній планъ историка и философа. Вполнѣ понятно, что, не любящий Чичерина, авторъ ограничивается скуднымъ (10 стр.) и какъ бы по обязанности написаннымъ изложениемъ «Открытомъ» же авторомъ П Бакунина посвящено 11 стр., а Н Страхову даже 18 стр., хотя изъ самого изложения автора не видно философской значительности этихъ дѣйствительно выдающихся и красочныхъ фигуръ русской духовной культуры. Намъ болѣе интересныя мысли которыхъ къ тому же уводятъ ихъ далеко отъ Гегеля. Между тѣмъ вь Соловьеву посвящается всего одна страница. По мнѣнию Ч Вл Соловьевъ усвоилъ отъ Гегеля только чисто вышнюю схему. Известный споръ вь Соловьева съ Чичеринимъ вь которомъ Соловьевъ защищать именно противъ рационально диалектически понятаго Гегеля тезу интуитивизма, обходится полнымъ молчаньемъ. И Ильину вмѣняется вь заслугу его противъ просвѣщен-

ства направленное «оправданіе меча» (при чемъ авторъ даже ссылается на неизданную еще Ильинимъ книгу «Оправданіе права») и ни слова не говорится о томъ, что еще раньше Ильина «оправданіе права» и «оправданіе меча» были даны тѣмъ же Вл. Соловьевымъ («Три разговора» и «Право и нравственность») и при томъ именно съ помощью «ситуаціи», а не «діалектики», которая у И. Ильина вырождается въ самую дурную казусишку. П. Чаадаеву посвящается нѣсколько строкъ, меньше, чѣмъ А. Блоку, Б. Пастернаку и В. Маяковскому, въ поэзіи которыхъ авторъ открываетъ слѣды гегелевскаго вліянія, и меньше, чѣмъ полемикѣ съ Б. Яковенко, никакого объективнаго значенія не имѣющей. Въ изложеніи взглядовъ А. Хомякова совершенно не упоминается принципъ «соборности» (позднѣйшее «всеединство» Вл. Соловьева) и безъ всякаго разсмотрѣнія остаются социальна-правовые взгляды славянофиловъ, которые въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ ихъ религіозные взгляды, обусловливали отталкиваніе славянофиловъ отъ гегелевской философіи и позднѣйшей отходъ отъ Гегеля славянофиловъ-гегельянцевъ, К. Аксакова и Ю. Самарина. Правъ Ю. Айхенвальдъ, указавшій, что развитіе В. Бѣлинскаго (отъ философіи нѣмецкаго идеализма къ материализму и отрицанію всякой философіи) шло путемъ, противоположнымъ «нормальному». Но, при всей правильности общей оцѣнки авторомъ роли В. Бѣлинскаго, несправедливо видѣть въ этомъ результатъ одной только «несамостоятельности» и «чисто пассивной восприимчивости» Бѣлинскаго. Въдѣ такое же самое развитіе продѣлали и М. Бакунинъ и А. Герценъ. И какъ разъ передъ философско-историкомъ стояла бы задача показать, почему «духъ времени» ушелъ отъ Гегеля и ушелъ именно въ направленіи сниженія уровня философской мысли и отрицанія философіи, и не было ли внутри самой философіи Гегеля опасности позднѣйшаго срыва. Мы привели лишь нѣсколько примѣровъ капризности изложенія Ч., значительно портящей его въ общемъ превосходную книгу.

С. Гессенъ.

В. Станкевичъ. Динамика міровой исторіи. Парижъ, 1934.

Потребность переосмыслить исторію, пересмотрѣть сложившіяся за еще бывшее на нашей памяти и съ такой быстротою отошедшее время историческія концепціи, переоцѣнить завѣщанныя прошлымъ цѣнности, столь же настоятельна и необходима сейчасъ, какъ его глѣтъ тому назадъ, послѣ первой Революціи и первой міровой Войны. Но сейчасъ это невѣроятно трудно: такъ усложнились наши представленія объ историческомъ процессѣ и такъ разросся матеріалъ, который полагается уложить въ рамки синтетическаго обзора Того, кто отваживается на это, подстерегаютъ всяческія опасности. Примѣромъ можетъ послужить книга В. Станкевича «Динамика міровой исторіи». Судя по заглавію и по подбору матеріала, книга должна представлять собою опытъ философскаго истолкованія общаго смысла нѣсколькихъ кульминаціонныхъ пунктовъ духовнаго развитія человѣчества. По замыслу автора, такъ сдѣланный обзоръ историческаго процесса долженъ послужить обоснованіемъ оптимизма.